

ПРОБЛЕМА ОДНОГО ДНЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

OMERZON

Omerzon

Проблема одного дня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43253396

SelfPub; 2019

Аннотация

Возможно ли уместить всю жизнь в один день? А если твоя жизнь длится всего двадцать четыре часа? Содержит нецензурную брань.

7:15

Я родился пятнадцать минут назад. Так сказали мне эти в халатах. Мне дали блокнот и ручку и сказали записывать все, что я захочу и все, о чем я думаю. Я мокрый после душа, голый сижу на деревянной скамье и мне холодно. Очень. Они задают мне непонятные вопросы, что-то записывают на своих голографических планшетах и делают инъекции. Говорят, что это для иммунитета. Я не знаю, что это значит. Хотя смысла слова инъекции тоже не знаю, но уверен, что правильно его применяю. Комната светлая и пахнет приятно. В голове вязкий туман. Мне это нравится.

7:40

Оказывается, они люди, и я тоже. Так они сказали. Мне хочется им верить, и я верю. Они немного объяснили мне, кто я и что происходит. Это чтобы я был менее дезо... Дизори... Дезориентирован. Сложное слово, но они довольно кивнули, когда я его произнес. Я— клон. Это такой человек, который один в один как другой. Они надеются, что я такой, какой им нужен. Но могу быть не таким. Я запутался. Такой, но не такой... Они сказали, что я 17-й и они очень на меня надеются. Их двое. Они записали что-то, когда я это заметил. У одного из них нос кривой, как дуга и залеплен пластырем. Он постоянно смотрит на меня, будто я плохой. Это слово тоже мне не понятно, но я чувствую, что правильно его применяю. Мне сказали, что я очень дорогой и они на меня надеются. Не знаю, как на это реагировать. Меня заста-

вили вытереться полотенцем и одеться. Мне было сложно и всё немного болело, когда я это делал, но они были довольны. Они сказали идти за ними. Мы прошли по длинному и очень светлому коридору. Свет очень яркий и мне больно смотреть. Они сказали, что это от микробов и дело не в самом свете. Я не понял, но спрашивать не стал. Меня привели в комнату с разными столами и страшными предметами, сказали сесть. На стул. Я сел, они довольно переглянулись.

8:00

Здесь везде есть часы, и я умею ими пользоваться. Не знаю, правда, откуда. Все вокруг для меня новое, но внутри меня что-то узнаёт многие вещи и чувства. И дает им названия. Те двое ушли, оставив меня одного. Сначала я сидел на стуле, но мне быстро надоело, и я начал рассматривать, что лежит на столах. На одном лежали бумаги с разными словами, как пишу я, но они написаны аккуратно и ровно. Я попробовал почитать, но не понял почти ничего. Там было написано про клонов, как я, и про какой-то прорыв. Потом про трагедию и что-то еще. Я не понял больше половины и мне стало неинтересно. Я понял, что не люблю, когда мне неинтересно. Рядом лежали картинки с улыбающимися лицами и кубик с разноцветными квадратами на каждой из сторон. На всех картинках повторялось одно лицо, другие все были разными. Я взял кубик. На нескольких сторонах квадраты были одинакового цвета, но в целом все они были беспорядочны. Я немного его покрутил. Сначала я почувствовал удоволь-

ствие, но потом почти сразу у меня закружилась голова. Мне стало больно держать его в руках. Я выронил кубик и уже знал, что это головоломка. Кубик Рубика. Мне не хотелось снова его трогать. Я подошел ко второму столу. К нему было прикреплено какое-то пугающее устройство. На нем были иголки, как те, которыми меня больно кололи и другие детали, которых я не понимаю. А на самом столе лежали плоские острые предметы и разные склянки. На секунду мне показалось, что я знаю, зачем они нужны и даже испытал неприязнь к тому, как они лежат, но это чувство от меня ускользнуло. Больше в комнате ничего не было, и я заскучал.

8:32

Ко мне пришел новый человек в халате. Он расспросил меня про вещи на столе. Я рассказал про кубик и острые штуки, и он очень оживился. Много записывал, пока я молчал. Когда он спросил про статью в газете, я не понял, о чем он. Похоже это его расстроило. Я не знаю, что почувствовал сам в этот момент.

9:07

Я прошел пару тестов. Смотрел на разные кляксы, решал, куда вставить разные фигуры и что отвечать на разные вопросы. Я устал. Не понимаю, зачем я все это делаю. Чего от меня хотят? Когда я спросил людей об этом, они снова довольно переглянулись, как предыдущие и снова долго писали в свои планшеты. Я попросил их отвести меня к тем, кто провожал меня в первую комнату. Я почувствовал себя

неуютно. Мне стало одиноко. Когда я сказал им об этом, ко мне быстро пришли те двое, хотя один был очень насторожен. Ему это явно не нравилось. Но мне стало лучше рядом с ними.

9:15

Мы все перешли в комнату, рядом с той, в которой мне задавали разные вопросы. Люди что-то оживленно обсуждали, а я ходил вокруг и осматривался, трогая стены и всё, до чего мог дотронуться. Они были шероховаты. Царапали руки, когда я проводил по ним. Я не понял, понравилось мне это или нет. Когда мне наскучило это, я спросил у людей, кто они и что делают. Они вдруг замолчали, кто-то смотрел на меня с разинутым ртом, кто-то хмуро, но совсем скоро они начали тихо спрашивать друг у друга, не отводя от меня глаз. Через какое-то время, совсем скоро, один из них, с густой бородой, вышел вперед и возбужденно пустился объяснять мне. Я слушал внимательно, но всё равно не понял многих слов. Он объяснил мне, что они врачи. Что мы находимся в исследовательском центре и что я очень важен. Что я какой-то важный эксперимент, и они очень надеются на успех. Когда я спросил их, почему я клон, и почему это значит, что я такой же как кто-то другой и зачем им нужен кто-то такой же, они снова начали тихо спорить. Бородатый врач снова заговорил за всех, на этот раз не дожидаясь, пока остальные закончат перешептываться. Он сказал, что они потеряли того, чьим клоном я являюсь. Он сказал, что все очень сложно,

но я должен доверять им и ему очень жаль, что им приходится меня испытывать. Я сказал, что сложности меня не пугают, но мне не уютно, что я не понимаю, зачем я прохожу все эти тесты. Мне очень грустно и неуютно. Другой врач вышел вперед и встал рядом с бородатым. Этот врач был с длинными волосами и выпуклостями там, где их не было у бородатого врача. Я заметил, что у кого-то из них тоже есть эти выпуклости, а у других нет. Врач нежно заговорил со мной, уверяя что они просто осторожны со мной. Что я все пойму совсем скоро. Ко мне придет понимание вместе с памятью. Просто такие как я не могут быть сразу как тот, с кого нас клонируют. А человек, который является моим оригиналом, был, помимо всего прочего, еще и гением медицины. Мне не понравилась формулировка «Был». У меня заболела голова. Я сказал, что устал и хочу сесть. Врачи согласились.

10:30

Я сидел на диване. Уставший и раздавленный. У меня в голове вертелась уйма вопросов, но я не мог сформулировать ни одного из них. Я походил по комнате, снова потрогал стены, пол, диван. Такие разные ощущения. Они пытались найти отзыв внутри моей груди, но тонули и терялись в пустоте. Без ответа. Со мной никого не осталось. Я попросил, чтобы меня оставили одного, и они согласились. Я смотрел на свои руки, ноги тело. Они казались чужими. Будто я сам где-то далеко, за пределами своего тела. На правой руке у основания указательного пальца был тонкий рубец, который

я не сразу разглядел. «Шрам» в голове эхом раздалось слово. Оно вдруг превратилось в тоннель. Мое сознание упало в этот тоннель и на дне я отчетливо увидел, как получил этот шрам.

В искусственном свете лампы я мастерю игрушку. Игрушку из проволоки, ткани и ниток. Это какой-то мультяшный герой. Я мастерю его для своей двухлетней дочери. Я никогда не занимался этим, но очень стараюсь. Я знаю, что она слишком маленькая, чтобы оценить моё мастерство, но стараюсь изо всех сил, чтобы игрушка выглядела убедительно. Я взял паяльник, чтобы соединить концы проволоки и тут паяльник срывается со своей стойки прямо мне на руку. Вспышка боли.

Вспышка. Я снова сижу на диване в пустой ярко-белой комнате. Мой палец пылает от боли, но там, где должна быть рана от ожога, давно затянувшийся рубец. У меня есть дочь... Или это у него была дочь? Вспомнил формулировку «был», которую применили к моему «оригиналу». Вдруг вспомнилась та «газета», статья, в которой говорилось о прорыве и утрате... Если сложить один плюс один, то я клон погибшего ученого... Головокружение. Вспышка.

Вспышка. Это было как вспышка. Осознание того, как просто на самом деле интегрировать новый способ производства эмбриона в старую модель выращивания клеток. Вдохнуть в них жизнь по-новому. Это будут не одноразовые болванчики, которые как бабочки будут жить один день,

бесполезно тратя инвестиции, вложенные в них, а будут полноценными клонами. Проживут долгую жизнь, которую потеряли их оригиналы. А какой потенциал это открывает в науке! Безграничные возможности. Альфред сохраняет свое открытие на микроноситель и пишет письмо своему другу и коллеге в Мировой Университет. Он возбужден как никогда, но решил не говорить своему руководителю про свое озарение до утра, куда приятнее будет это сделать при всех. Пусть каждый проникнется его триумфом. Или позавидует. Не важно, он 16 лет потратил на решение этой задачи и заслужил всеобщее признание. Письмо написано и отправлено. Альфред собрал свои вещи и позвонил жене. Вспышка.

Вспышка. Тяжелое надрывистое дыхание. Ощущение, что в мозгу копаются муравьи, прокапывая новые ходы. Перед глазами стали мелькать картинки. Вспышка. Вспышка. Вспышка. Вспышка. Он Альфред. Он Альфред Диндер. Вспышка. Жена и маленькая дочь. Жена работает художником-декоратором. Успешным. Он ученый-биолог и химио-терапевт. Вспышка. Дети в школе. Учительница. Друзья. Приятели. Вспышка. Первый опыт в алкоголе. Вспышка. Вспышка. Удар в челюсть. Кровь из носа. Вспышка. Она стоит перед ним голая. Ее зовут Мира, он ждал этого так долго. Сейчас это будет в первый раз. Вспышка. Взгляд, иголкой ткнувший его прямо в сердце. Она сидит и смотрит на него, загадочная, прекрасная. Ее зовут Джоанна. Вспышка. Джоанна в свадебном платье улыбается ему, глаза сверкают как звезды.

Вспышка. Новая маленькая жизнь. Она кричит. Он кричит.

Я уже не кричу. Все мое тело бомбардируют мощные спазмы. Я в агонии. Уже не могу дышать. Все вены надулись, язык распух и перекрыл дыхательные пути. Если я уже умер однажды, то сейчас я умру второй раз.

12:00

Я очнулся примерно полчаса назад. Пронизанный трубками, лежал на мягкой койке. На голове паутина электродов, по обеим сторонам от меня разные мониторы и раздражающе пикающие черные ящики. Черные. Я даже обрадовался разнообразию цветов в помещении. Сначала не мог понять, почему я лежу здесь, а не слушаю ответы на свои вопросы. Потом вспомнил, как бился в агонии на полу в комнате с приятным диваном. Ко мне тянулись руки и были какие-то неразборчивые крики. Но что именно со мной случилось... какое-то глубокое осознание. Я поймал себя на мысли, что теперь знаю значения многих слов и вещей, которые были для меня полной загадкой. Будто пустующие полки заполнили книгами в алфавитном порядке. И да, с момента своего рождения я не видел ни одной полки и ни одной книги, разве что та газета... Альфред Диндер. Я клон Альфреда Диндера и мне осталось жить не больше десяти часов.

12:15

В палату вошли несколько врачей. Тот бородатый и еще двое, которых я видел ранее. Они были обеспокоены и моим припадком, но не испуганы, а возбуждены. Разговаривали

как с маленьким, осторожно выбирая слова. Говорили, что им кажется, что я мог увидеть какие-то образы или мне могло показаться, что я вспомнил то, что никак не мог узнать. Я был раздражен и, пожалуй, напуган. Я рассказал им про вспышки, про Альфреда, про его жену и дочь. Не хочу ассоциировать себя с ним, пусть я больше Альфред чем кто-то еще. Они очень обрадовались, стали хлопать друг друга по плечу, пожимать руки. Я не стал спрашивать, зачем они делают это со мной. Все, итак, стало более чем очевидно, но от этого не менее горько. От воспоминаний о семье, любви, о целой человеческой жизни, которых я никогда не переживал, но помнил и чувствовал. От того, что я никогда не переживу этого, я вообще ничего не переживу. Я создан только для того, чтобы они могли извлечь из меня последние воспоминания Альфреда. О клонах. О тех клонах, которые смогут жить дольше чем один день... Ради эффективности и экономии. Ради чисел и коэффициентов. Я суррогат, нужный только для того, чтобы выщедить из моего мозга нектар чужого гения, а разлагающуюся оболочку потом просто уничтожат. Совсем скоро, через каких-то десять часов.

Я смотрел на их самодовольные лица и думал об этом. Шестнадцать раз они поднимали Альфреда из мертвых. И похоже не далеко продвинулись, раз так радуются моим воспоминаниям, далеким от того, что им нужно. Я тоже вряд ли дам им нужные ответы. К сегодняшней ночи меня уже не станет. Они не давали мне внятных ответов на вопросы, ко-

которые я им задавал. Я понимаю, почему они уваливают. Они погрузили меня в среду искусственных тестов и абсолютной заботы, параллельно пробуждая во мне память оригинала. Одна проблема – я перестал задавать вопросы им и начал задавать их себе. И я знаю, что у меня нет времени, чтобы узнать все ответы.

12:40

Они отключили меня от аппаратов, помогли встать с койки, и отправились ждать меня в столовой. Я оделся и твердо решил понять, какой у меня план действий. Я не знаю, где нахожусь, где мне искать ответы и могу ли я попросить кого-то из врачей помочь мне. Но я твёрдо решил больше не записывать свои мысли и наблюдения в блокнот. Я постараюсь запоминать все, что мне нужно. Так безопаснее, так они не поймут, что со мной на самом деле происходит.

Итак, что мы имеем. Врачам нужно знание про открытие Альфреда. Я помню, что он отправил свое исследование какому-то другу в Мировом Университете, а раз я существую, значит сообщение не было доставлено адресату или его уничтожили. Мне этого точно не узнать. Что ещё? Я семнадцатый, я веду записи, значит есть ещё примерно шестнадцать дневников. Где их найти? Был бы кто-то, кого я могу попросить о помощи...

Нельзя надолго задерживаться, нужно идти в столовую.

Во время обеда я пообщался с другими врачами. Помимо кучи вопросов от них, я узнал от них несколько ответов на

мои. Так, никто не знает, были ли у Альфреда друзья, кроме тех, с кем он близко сотрудничал в своем центре. Ну и конечно же, они подтвердили, что другие клоны тоже вели дневники. И мне настойчиво поясняли, что я должен подробно вести свой, тем более с учетом того, что у меня появились воспоминания об Альфреде, его семье и работе. Но с дневниками моих предшественников меня никто не ознакомит. Ни под каким предлогом. Не густо. Кстати, на часах уже 13:32. Я теряю время и выбраться из-под надзора не могу.

13:50

Меня проводили в новую комнату для тестов. Она не такая стерильная и ослепительно белая, как предыдущие. Фактурные стены, ковер. Даже стол здесь деревянный, а не железный. Я сел на ближайший стул. Через несколько минут ко мне влетела молодая докторша, явно озабоченная чем-то, следом за ней протиснулся тот врач со сломанным носом, который неприятно смотрел на меня утром. Я приготовился к новому кругу бесполезных тестов. Она села напротив и представилась доктором Хармс, он молча стоял за ней, скрестив руки на груди, и пялился на меня. Доктор Хармс начала объяснять мне принцип первого теста, одновременно поставив перед собой небольшую карточку. Когда я прочел ее и осознал, что происходит, чуть не потерял самообладание и не вскочил обниматься с доктором. На карточке было написано, что она и ее друг за спиной хотят помочь мне с ответами на мои вопросы. Они знают, где дневники, если я хочу

их прочитать. И они знают, для какой цели меня создали. Я усидел на месте под суровым взглядом мужчины и испуганно-настороженным взглядом женщины. Сделал пару глубоких вдохов и начал отвечать на ее вопросы, которые она задавала вслух. После этого Хармс снова заговорила и достала новую карточку с заготовленным текстом. Она хочет, чтобы я написал ей три своих главных вопроса. Взамен, она напишет мне во сколько и куда мне надо будет пойти, чтобы получить ответы. Похоже, что эти двое пытались помочь и другим, до меня. Доктор Хармс убрала карточку, достала новую и вместе с ней ручку, сказала, что я должен ответить на ее вопрос письменно, в свободной форме и нервно улыбнулась мне. Недолго соображая, я написал свои вопросы. Собственно, где дневники? Кто друг Альберта в Мировом Университете? И как умер Альберт, наконец? Я протянул эту карточку обратно доктору, она медленно прочитала все мои вопросы и в середине озадаченно подняла бровь, подняв на меня глаза, полные недоумения. Она неприметно спрятала карточку и дала мне взамен другу, с новым заготовленным текстом. Вслух сказала, что удовлетворена ответом на первый тест. Карточку я могу оставить себе и могу делать с ней, что захочу. На карточке было написано, что я должен размочить ее в стакане с водой, а еще, что мне надо будет явиться в медпункт в 18:00. Меня накрыла волна возбуждения. Не знаю, как мне удастся продержаться столько, не выдав себя!

Вот уже 15:17. Я идиот. Очень злой идиот.

После тестов меня отпустили в комнату отдыха, где я попросил стакан воды. В нем я уничтожил карточку и, вдохновленный, растянулся в кресле. Буквально через несколько мгновений в комнату вошла троица во главе с бородатым. Мы немного поговорили о моих успехах, о том, как ко мне частично вернулась память, и о том, как мало это значит. Бородатый говорил со мной осторожно, будто вел меня за руку к разбитой вазе и готовился меня отчитать, беззащитного и готового признать свою оплошность. Он тщательно направлял мое внимание на определенные темы. Даже, когда он говорил с другими врачами, меня не оставляло чувство, что слова произносятся для меня. Я не сразу понял, к чему он ведет. А когда понял, было уже поздно. Он попросил всего-лишь показать ему мой дневник. Ведь я обещал вести в нем записи и это очень-очень важно. Растерянный, я невнятно промямлил, что просто забыл про дневник. Конечно никому из врачей это не понравилось, они начали наперебой осыпать меня то обидными выражениями, то бессмысленными вопросами. В панике я брякнул, что после припадка мне было плохо и я забыл. Но, оказывается, мы и после этого говорили о важности моих записей. Если бы целью их визита было бы поймать меня на лжи и сговоре, я думаю, что они легко достигли бы своей цели. На мое счастье, все трое были напыщенными болванами, пытавшимися самоутвердиться за счет глупого клона, который забыл простейшую задачу. По крайней мере, двое из них. Но вот бородатый играл

со мной. Он вел пустые споры и следил за мной. Присосался своим взглядом ко мне, как пиявка. Вот споры стихли, я извинился в миллионный раз и поклялся, что больше не забуду вести дневник, и они ушли. Так я думал, пока бородатый не вернулся. Лицо полное триумфа, глаза хитро сощурены. Он подошел ко мне вплотную. То что он сказал сначала уничтожило меня, а потом освободило. Не знаю, чего он этим добивался, но примерно на середине его изобличающего монолога мне вдруг стало безразлично. Он говорил, что добьется своей цели. Что видит, как я пришел в сознание и пытаюсь вырваться отсюда. Но он в семнадцатый раз выпотрошит мое сознание, а тело выкинет гнить в яму к остальным. Я, сказал он, должен знать свое место. Наличие у меня осознания себя не дает мне никаких прав, потому что я просто продукт с ограниченным сроком годности. Предыдущие тоже пытались вертеться, но их не стало быстрее, чем они смогли как-то себе помочь. Он сказал, что я должен запомнить это и я запомнил.

Одна проблема, я не испугался и не пал духом. Этот подонок зарядил меня настоящим азартом. Теперь я преисполнен решимости найти ответы на все свои вопросы перед смертью и сделать это так, чтобы бородатый ублодок не получил ничего. О, как же я зол!

17:34

Я заполнял дневник всякой чушью, чтобы сбить с толку врачей. Писал про ложные воспоминания, кулинарные ре-

цепты, которые всплывали в моей голове, размышления о давящем белом цвете повсеместно. В общем всякую чушь. Хотя про белый цвет, пожалуй, по-настоящему наболело. Я очень старался, заполняя его мелкими деталями и раздумиями о том, какой соус лучше бы подошел к салату из креветок и рукколы. Пусть эти гении поломают голову над важностью моих пробужденных умозаключений для науки в целом и их эксперимента в частности. Увлеченно заполняя страницу за страницей, я совсем забыл про время, и теперь ошарашено смотрел на часы прямо над моей головой. Совсем скоро мне пора идти на встречу с ответами. Еще немного и мне не жалко будет оставить этот мир, потому что я получу свои ответы раньше, чем они получают свои.

17:52

Я прошёл в медпункт и попросил ассистентку доктора Хармс отвести меня к ней. Миловидная девушка. Я улыбнулся, когда вспомнил, что всего лишь полдня назад не знал, что есть мужчины и женщины и что между ними могут происходить очень волнующие и приятные моменты. Она подумала, что я улыбаюсь ей и занервничала. Пыталась это скрыть, но у неё не получилось и, когда она потянулась к кнопке вызова, снесла со стола стакан с ручками и ежедневник.

Доктор Хармс появилась ровно в 18:00. Пунктуальна, как швейцарские часы. Такие были у Альфреда. Ему подарил их отец, когда тот устроился на работу в крупнейшую генетическую компанию на континенте. Воспоминания Альфреда

перестали бить меня в голову молотом, теперь они втекали в меня на столько незаметно, что местами подменяли мои собственные. Я с удивлением стал замечать, что, не применяя особых усилий, не могу отличить некоторые факты своей жизни от жизни Альфреда. Но я всё ещё был собой, номером семнадцать. Доктор Хармс пригласила меня в свой кабинет, приветливо улыбаясь и справляясь о моем самочувствии.

Через несколько минут мы сидели в её кабинете друг напротив друга, разделяемые массивные столом с имитацией дерева. Я уже мог это заметить. Она смотрела на меня взволнованно, я тоже был на нервах. Волосы по всему телу стояли дыбом от муражек. Доктор Хармс сунула руку под стол и достала оттуда пухлый пакет, положила его на стол и аккуратно вытащила оттуда стопку блокнотов. Я не поверил своим глазам. Если честно, я до конца не верил, что доктор действительно поможет мне. Но вот, я вижу блокноты. Может она даст мне и остальные ответы. Я жадно вцепился в стопку и притянул к себе. Первые несколько дневников были помяты и обветшалы, а их содержание было невнятно и обрывисто. Они были больше похожи на записки умственно отсталого ребёнка от начала и до самого конца. Другие велись более осознанно и от блокнота к блокноту был виден прогресс в формировании воспоминаний Альберта. Поначалу записи были до обиды одинаковыми, я видел себя в этих строках таким же глупым и беспомощным. Но концовки дневников за-

метно отличались. Часть клонов самозабвенно писали о том, как важно вспомнить об открытии Альфред и даже сокрушались от своего бессилия в достижении цели. Другие писали такую же ахинею, как и я и это меня очень позабавило. Я даже заулыбался. Но на краю сознания я поймал себя на мысли, что злюсь на тех, кто вероятно тоже задумал обмануть учёных. Параллельно с моим исследованием записей доктор Хармс начала рассказывать о дружбе Альфреда с руководителем нашего научного комплекса. Поначалу я не особо вслушивался, изучая записи, но вдруг понял, что она даёт мне ответ на один из моих вопросов. Она рассказывает мне о друге Альфреда из Мирового университета... Я отвлёкся от записей и посмотрел прямо ей в глаза, поглощая каждое произносимое ей слово. Видимо, это смутило доктора, она замялась, молча посмотрела на меня и, так же не отводя взгляда, продолжила. Мне это уже было не нужно, в голове открылся новый поток, который влил в меня множество образов, воспоминаний и фактов. Сэр Уильям Чжоу. Оказалось, этот господин познакомился с Альфредом на какой-то научной конференции в Швеции. Они разделяли многие взгляды и поначалу были отличными и близкими друзьями, пока их крепкая дружба не охладела из-за расстояния и разницы во взглядах о их предназначении. Альфред всегда мечтал о чистой науке с революционными открытиями, не думая о том, как это повлияет на общество и мир в целом. Уильям, в свою очередь, тоже был за инновации, но контролируемые

и вводимые в мир в строго определённое время. И Альфред решил потешить свое тщеславие в тот вечер. Я пропустил сквозь себя это сладкое и возбуждающее чувство.

Доктор Хармс окликнула меня. Я залил всю свою рубашку кровью, а она взволнованно трясла меня за плечи, пытаясь привести в чувство. Голова болела. Часы за её спиной показывали 18:39. Я смотрел на испорченную ткань, свои руки и ноги. Пытался снова ассоциировать себя с самим собой и, пусть и с трудом, но у меня это получилось. Граница между мной и Альфредом была снова прочерчена. Доктор подняла мою голову и принялась вытирать кровь на моем лице. Я рассказал ей о том, что мой оригинал передал всю информацию об открытии Уильяму Чжоу, директору комплекса и, скорее всего, Уильям и убил Альфреда. У него было как минимум два мотива. Она смотрела прямо мне в глаза. Взгляд, полный удовлетворения. Ухмылка победителя. Хармс небрежно бросила салфетку рядом со мной, подошла к своему столу и нажала кнопку вызова. На той стороне откликнулся голос ассистентки и она сказала, что я готов, пусть войдет доктор Граймс. Через несколько мгновений он вошел. Это был мой первый знакомый, со сломанным носом. Одна рука заведена за спину, самодовольное лицо. Хармс встала ближе к выходу из кабинета, за его спиной. Я был в ступоре. Нужно было хотя бы попытаться сопротивляться, но я сидел и улыбался этой лживой парочке, будто это я поймал их в ловушку. Тут до меня дошло, почему у Граймса был сломан

нос. Не мешкая ни секунды, я вскочил со стула и со всей силы ударил его точно между глаз, услышав удовлетворительный хруст переносицы. Мне показалось это очень ироничной традицией, пусть после этого он все же и отрубил меня.

20:07

Это было первое, что я увидел, открыв глаза. Часы под толком. Большие электронные часы, черт бы их побрал... Я попытался приподняться, но не смог. Как оказалось, руки и ноги привязаны к операционному столу, а сам я теперь одет в больничный халат. Оглядевшись, я увидел хирургический стол с аппаратурой для записи нееромодулирующей с хирургическими инструментами, какие-то баки, ширма с раковиной и скамьей и, справа от меня экран во всю стену с живым изображением осеннего пейзажа. Я отметил для себя, что своими глазами никогда такого не видел и не увижу, хотя в памяти есть множество воспоминаний о разных уголках мира. Но теперь мне всеравно, это впечатление уже ни на что не повлияет.

Это полное поражение. Я откинул голову и расслабился, сфокусировав свое сознание на ощущениях и воспоминаниях, принадлежавших только мне. Их было немного, но они принадлежали мне одному. Хотя, хруст переносицы как его... Граймса! Этот удар породил меня как минимум с одним из моих предшественников. Этот самодовольный кретин даже не извлек урока из своей ошибки. Я подумал, что возможность сломать ему нос, это что-то вроде приза для тех

из нас, кто смог понять, как нас всех используют. На душе сразу стало тепло. Интересно, только клоны столь жестоки или мы перенимаем это свойство вместе с памятью оригинала?

Поток моих фантазий прервался звуком открываемой двери. В операционную зашел он, сэр Уильям Чжоу. Я опознал его заметно отъевшуюся тушу вверх тормашками, так как пришлось задрать голову, чтобы увидеть дверной проем. Он шел размеренно, еле передвигая свои огромные ноги. Уильям обошел меня и встал у моих подмерзших ступней. Сбивчивое дыхание вырывалось из его жирной груди. Что с ним стало? Воспоминания Альфреда говорят, что Уил был достаточно плотным и крепким мужчиной. Высокая должность превратила его в это? Уильям сказал, что знает о чем я думаю и его метаморфозы произошла не только благодаря должности, но и нарушениям в организме. Я не стал спорить. Видимо, для него эта беседа с очередным клоном его друга просто скучная формальность. И вправду, что нового он может ожидать от привязанной марионетки, которая, как оказалось, точно придерживалась намеченного ими плана. Один вопрос меея всё ещё беспокоил и я задал его. Почему Уильям возрождает Альфреда снова и снова, если ему с самого начала известно было всё о его открытии? И зачем было вообще убивать его? Что это за извращенный эксперимент? В его глазах проявилась досада, Уильям вздохнул и задумчиво отвёл глаза. Через несколько долгих мгновений молчания,

директор снова заговорил. Он рассказал, как получил моё письмо и чуть с ума не сошёл от восторга. Он звонил весь вечер, сначала на мой личный коммуникатор, потом домой, чтобы отговорить меня от публикации и боялся, что я наломаю дров. Когда трубку взяла моя жена, взволнованная, с хлюпающим носом, Уил по-настоящему перепугался. Я никогда не забывал позвонить домой и тем более никогда не упускал шанса поделиться с женой своим триумфом. Я сказал, что Альфред это не я и пусть не говорит со мной, будто он это я. Но память Альфреда говорила, что Уильям не врёт. Он начал восхищаться степенью моего самосознания, но я резко прервал его и потребовал продолжить.

Когда полиция нашла тело Альфреда, от него мало что оставалось. Половина оплывшего торса, левая рука и половина левой ноги. Официально, это был несчастный случай при обращении с химикатами, второй версией было самоубийство. Естественно Уил никому не сказал о письме Альфреда.

Выходит, что я был создан не из-за великой и благородной цели, а чтобы утолить чувство вины одного могущественного человека. Он хочет найти воспоминание Альфреда о его смерти и ради этого убил его ещё шестнадцать раз и убьёт снова в ближайшее время.

Сэр Уильям Чжоу смотрел мне в глаза, видимо в надежде, что я пойму, как важно то, что он делает. Но я не пойму. Я сказал этому эгоистичному выродку, что он ничего не до-

бьётся, ведь ни я, ни другие клоны до меня не помнили смерти Альфреда, это ясно из дневников. Он ни на йоту не придвинулся к своей лицемерной цели. Сам Уил вздохнул, хлопнул меня по ноге, подошёл к хирургическому столу и сказал, что весь сегодняшний день готовил меня только к этому моменту. Прямо перед тем, как я умру, откроется маленький фрагмент смерти Альфреда. А может даже большой, если повезёт. Большой урод. Вырастил меня, только чтобы я умер на холодном столе. И только ради успокоения своей совести...

Было бы бессмысленно пытаться его отговорить... Да и самостоятельно мне оставалось жить лишь несколько часов. Я решил напоследок выразить Уильям степень моего презрения к нему и со спокойной душой приготовился к смерти. Эта ходячая одышка надела шапку электродов мне на голову и включила аппарат для считывания данных. Смертельный укол в вену. Жирная извиняющаяся рожа прямо перед непередаваемой агонией. Что ещё можно желать на смертном одре, черт...

20:32

Образец #17 мёртв. По сравнению с предыдущими образцами показал более выраженное самосознание. Проведём корректировку перед запуском нового экземпляра. Данные, полученные при извлечении не повреждены и отправлены на расшифровку.

Эксперимент #17 официально окончен.